

УДК 316.7

Достоверность экспертных мнений как проблема анализа дискуссионных явлений в сфере культуры

Москвина Ирина Константиновна

Член Международной ассоциации историков искусства и художественных критиков,
член Дома ученых РАН им. А.М. Горького,
член ВООПИиК (Московское отделение);
кандидат философских наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 2-4;
e-mail: i.moskvina@mail.ru

Аннотация

Многоплановость современной культуры, наличие в ней разнообразных дискурсов, трактовок культурных смыслов и ценностей – все это затрудняет восприятие и осмысление различных явлений и процессов. Средства массовой информации и коммуникации, прежде всего электронные, социальные сети, становятся пространством пресечения различных оценочных суждений, как проявление свободы выражения мнений в условиях развития демократии. Разброс суждений по поводу неоднозначных явлений культуры порождает, подчас, поляризацию сторон дискуссии, а иногда и общественную конфронтацию. В ряде случаев, предусмотренных законодательством РФ, оценочные суждения могут быть предметом экспертизы. Вопрос достоверности экспертизы в сфере гуманитарного знания остается во многом нерешенным. Проблема возможности достижения истинного объективного знания в гуманитарной сфере, и в науке вообще, на рубеже XX-XXI веков является полемической. Исследователи – культурологи и философы отмечают, что «позитивная наука» как инструмент познания социально-культурной сферы, основанная на описании и систематизации процессов и феноменов, нарративов о них, уже мало продуктивна в современных условиях. Современные исследования по методологии гуманитарных наук отмечают, что социально-гуманитарная наука, начиная с конца прошлого века, все более переходит к методам постклассической науки. Существенное значение в анализе дискуссионных явлений современной культуры, а также оценочных суждений о них, имеет выбор парадигмы их рассмотрения, опирающейся на принципы открытости феномену (Хайдеггер) и комплексную культурологическую методологию экспертизы.

Для цитирования в научных исследованиях

Москвина И.К. Достоверность экспертных мнений как проблема анализа дискуссионных явлений в сфере культуры // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 5А. С. 133-141.

Ключевые слова

Культура, ценности, культурные ценности, оценочное суждение, экспертиза, методология, истина, парадигма, текст, контекст.

Введение

Многоплановость и неоднородность современной культуры включает в себя целый «веер» дискурсов, отражающих наличие различных, подчас противоположных ценностных ориентаций, а также многообразие интерпретаций культурных смыслов. Рефлексия по поводу различных явлений и процессов современной культуры осуществляется в разных направлениях. Внимание представителей гуманитарной сферы – философов, социологов, культурологов нацелено на осмысление актуальных проблем, порожденных сложными процессами в развитии современного социума и культуры. Методологической основой данных изысканий в настоящий момент все более становится комплексная методология, отражающая культурологическую парадигму рассмотрения тех или иных проблем и явлений.

Основная часть

Наличие огромного числа публикаций по данной проблематике свидетельствует, что научный мир все большее утверждает в осознании того, что культурологическая парадигма обуславливает возможность понимания процессов развития социума и культуры во всем многообразии его форм и проявлений [Ларин, 2016, 559-567]. Активное развитие культурологического знания дает «ключ» к пониманию многих сложных и противоречивых явлений современной реальности. В свою очередь, данная активность развития приводит к тому, что исследование культуры осуществляется в свете разных подходов и методологий. Однако наличие различных подходов и методологий порождает, в свою очередь, дискуссию по поводу обоснованности позиций в стремлении к достижению истины. Следует отметить, что вопрос о возможности достижения истинного объективного знания в гуманитарной сфере, и в науке вообще, на рубеже XX-XXI веков в свою очередь вызвал бурную полемику. Исследователи – культурологи и философы отмечают, что «позитивная наука» как инструмент познания социально-культурной сферы, основанная на описании и систематизации процессов и феноменов, нарративов о них, уже мало продуктивна в современных условиях. Современные исследования по методологии гуманитарных наук отмечают, что социально-гуманитарная наука, начиная с конца прошлого века, все более переходит к методам постклассической науки. Этот процесс в развитии гуманитарии инспирирован также и тем, что «объектом ее внимания становятся не только и не столько «устойчивые структуры», – нормы, формы, жанры, типы – как этого требует классическая наука, сколько спонтанные и быстротечные «процессы-изменения», рекурсивные структуры, акторы абберирующей идентичности, взрыв субкультур, феномены виртуальной реальности и архитектура социальных сетей, описание и интерпретация которых требует опоры на новые методологические принципы, когнитивные арсеналы, научную лексику» [Тхагапсоев и др., 2016, 148].

После позитивистского подхода, основанного на стремлении найти точные критерии научности и понимания научных теорий как способа описания и объяснения действительности, наступает новый, более либеральный этап восприятия научной рациональности и границ науки. Как отмечает В.Н. Порус, «плюрализм» в описании реальности научными теориями явился следствием разных причин, в частности, с ростом методологических исследований в сфере гуманитарного знания, окончанием тотальной ориентации науки на образцы, ориентированных на естествознание [Порус, 2013, 294]. Важной особенностью современного гуманитарного знания является то, что оно, в отличие от естественнонаучного, всегда эмоционально окрашено

и главное – не выразимо в формализованных и однозначных законах, что ставит остро вопрос о формах его организации [Тхагапсоев и др., 2016, 144].

Вместе с тем, рефлексия по поводу сложных и неоднозначных явлений современной культуры, разворачивающаяся в недрах гуманитарного знания, так или иначе, базируются на принципах научного подхода, хотя и в русле той или иной парадигмы (по определению Т. Куна). Как известно, под парадигмой Т. Кун подразумевал систему согласованных теорий, матрицу для решения тех или иных проблем [Кун, 1977]. Именно научный подход, развивающийся в русле актуальной на данный момент развития знания парадигмы, обуславливает фундированность мнения по спорным вопросам социума и культуры.

В пандан социогуманитарному знанию и стремлению к выработке объективных основ осмысления реальности, в более широком и мене регламентированном общественно-информационном пространстве в настоящее время активно функционирует иной тип рефлексии, отличный от научного. Дискуссии по поводу явлений и процессов в контексте современной реальности, неоднозначных по своей сути, разворачиваются, прежде всего, в информационном поле: различных видах СМИ. В настоящее время, с развитием Интернета спорные феномены воспринимаются и оцениваются, как правило, в социальных сетях. Общественная рефлексия по поводу неоднозначных, дискуссионных феноменов и процессов выливается в эмоционально окрашенную полемику. Разброс оценочных суждений в ходе обсуждения того или иного феномена порождает поляризацию позиций сторон, которая перерастает иногда в острую конфронтацию различных групп. Следствием этого могут быть выступления с целью демонстрации своей позиции не только в СМИ, но и форме прямого противостояния, проведения различных публичных акций: перфомансов, шествий, митингов и тому подобное. Зачастую подобная активность групп лиц, поддерживающих ту или иную сторону идейного противостояния, выливается в открытое столкновение и выходят за рамки, дозволенные российским законодательством, что влечет за собой нарастание информационного поля и разрастание конфликта. Противостояние разных идеологических групп, открытая конфронтация, базируется, как правило, на претензиях сторон на правильность исключительно своего мнения – все это не способствует гражданскому согласию в обществе. Не только переломные 90-е годы, с их экстремальным социальным напряжением, но и наши дни отмечены идейными столкновениями разных групп, формирующихся по принципу отнесения к определенной идентичности, базирующейся на определенной системе ценностей и норм. Так, например, поводами для острых общественных дискуссий стали заметные события культурной жизни последних лет: дискуссия об искажении образа царя-мученика Николая Второго в фильме Алексея Учителя «Матильда», выставка Яна Фарбра в Эрмитаже, фото выставка Джока Стерджеса «Без смущения» и многое другое. Сюда же можно отнести и неоднозначную оценку действующих формализованных и неформализованных групп и объединений, имеющих разные идейные основания и формы своей активности. Данные объединения, как правило, не религиозного характера, реализуют свою социально-культурную активность во многих популярных среди разных возрастных и гендерных групп населения направлениях деятельности: в сфере актуального искусства, волонтерства, экологического движения, культурных практик, таких как, например, занятия йогой, веганство, ЗОЖ и многое другое. К подобным, трудно поддающимся описанию и определению феноменам, относится и объединение ритмологов. Так, в исследованиях социолога Н.В. Шеляпина ритмология рассматривается в качестве идеологии определенной социальной группы в контексте идеологического процесса в постсоветской России [Шеляпин, 2017, 64-72]. В ряде других

публикаций ритмометод Е.Д. Лучезарновой представлен как основа формирования стиля и образа жизни в контексте практики моделирования жизнедеятельности. Дискуссия о ритмометодом отражает разброс мнений и подходов к описанию и оценке данного явления – от академических исследований традиций ритмологии в культуре [Москвина, 2016, 339-349] до нелюбимых оценочных суждений и обвинений в сектантстве. Не сосредотачиваясь на данном аспекте, все-таки следует отметить, что научный подход предполагает строгое использование категорий и дефиниций. Понятие «секта» используется в научной религиоведческой литературе, однако трактовки его до сих пор четко не определены. Зачастую данную категорию трактуют не системно, а по отдельным внешним признакам, не вникая в культурные смыслы явления и те ценности, на которых оно базируется. Используемый как инструмент для определения различных групп, не относящихся к основным мировым религиям, данный подход ставит их в оппозицию к нормам и ценностям государства, на территории которых данные религии распространены, что ограничивает сферу личных свобод граждан. С другой стороны, Министерство Юстиции РФ зарегистрировало в качестве религиозной группы Церковь Летающего Макаронного Монстра как имеющую все характерологические признаки. Таким образом, «пастафарианство», фейковая псевдорелигиозная группа, получила статус и возможность вести миссионерскую деятельность. Представители православной церкви оценивают «пастафарианство» как глумление над религией и «бесовщину». Сторонники пастафарианства видят в нем игровую, эпатажную, ироническую – в конечном итоге постмодернистскую форму выражения абсурдности любых религиозных взглядов.

В подавляющем большинстве случаев оценка спорных феноменов остается на уровне оценочных суждений, но в определенных случаях, связанных с судебной практикой, дискуссионные явления становятся предметом научной, экспертной оценки.

Как уже отмечалось выше, сложные рекурсивные феномены, содержащие и включающие в себя переплетающиеся цепочки смыслов, по-разному оцениваемые в обществе, не могут быть осмыслены вне контекстов и без соотнесения с теми ценностями, которые они поддерживают. Рефлексия по поводу дискуссионных социально-культурных явлений разворачивается, как правило, в информационном пространстве, в первую очередь в Интернете как пространстве, базисном в сознании большинства людей с полной свободой выражения личного мнения. К сожалению, свобода выражения мнения сводится в значительной части случаев только лишь к выражению оценки, не только субъективной, но, подчас, недопустимой с точки зрения морали и закона.

Таким образом, в современной культуре индивидуальная значимость каждого отдельного явления становится предметом оценки, которая отражается в той или иной мере в информационном пространстве. Собственно значимость того или иного явления в сфере культуры возникает в результате оценки. Это может быть личностная или общественная значимость, в зависимости от того, какое по своим масштабам информационное поле оно создает. Позиция субъектов может выражаться в как форме оценочных суждений, личного субъективного мнения, так и группового, отражающего сопричастность к определенной идентичности (этнической, религиозной, культурной, политической, групповой и проч.). Оценка, оценочное суждение, как отражение мнения субъекта (индивидуального либо коллективного), может быть вербализованной (речевой) и невербализованной. Формы выражения оценки многообразны и обусловлены во многом развитием современных информационных технологий. Они могут быть представлены в виде публикаций «постов» в Интернете, размещения видео и фотоматериалов в социальных сетях, участия в различных ток-

шоу и прочее. В значительной степени оценочные суждения носят невербальный характер – постановка символов одобрения (лайки) или неодобрения в Интернете, «смайликов» и других «эмодзи», репост тех или иных материалов. В настоящее время российское законодательство столкнулось с дилеммой по поводу того, как следует воспринимать эту форму общественной активности граждан. Этим вопросам были посвящены разъяснения Верховного Суда РФ, связанные с возрастанием уголовных дел в связи с лайками и перепостами различного рода спорных материалов в Интернете. В своих разъяснениях Верховный Суд справедливо отметил, что в каждом конкретном случае необходимо разбираться с мотивом действий и выражения оценочных суждений. В подавляющем большинстве случаев оценка остается на уровне выражения субъективных мнений, но в определенных случаях, связанных с судебной практикой, дискуссионные явления становятся предметом научной, экспертной оценки.

Следует отметить, что подхода к определению индивидуальной значимости и культурных смыслов отдельного дискуссионного явления находятся в сложном взаимодействии. С одной стороны, в самом понятии «оценочные суждения», применяемом в различных сферах науки и человеческой деятельности – психологии, юриспруденции, педагогике, логике, содержатся два основных элемента, характеризующих его содержание. «Суждение», которое определяется как мысль, которая может быть истиной или ложной. «Оценочное» – понятие характеризующее отношение человека к объекту, принципу и тому подобное, выражающее, насколько человек ценит их свойства и характеристики. В сфере психологии оценочное суждение определяется как субъективное, эмоциональное отношение индивида к какому-либо явлению, вместо того, что бы представить его объективную характеристику.

С точки зрения юриспруденции оценочное суждение так же выражает момент субъективной оценки, личных взглядов человека, которые не могут быть проверены на предмет действительности. Поэтому они не являются предметом судебной защиты, если только доказанные факты не свидетельствуют о нанесенном оскорблении, ущербе деловой репутации и проч. Свобода выражения личного мнения является одной из фундаментальных ценностей демократического устройства общества и защищается законом. Поэтому для того, чтобы определить является ли высказывание фактом или формой выражения личного мнения, необходима судебная лингвистическая экспертиза.

Объективность, правильность оценочного суждения не является основным посылом для высказывающего свое мнение человека. Эмоциональность, субъективно ценностный подход подчеркивается во всех определениях оценочного суждения.

Вместе с тем, выдвигая оценочное суждение, человек осознанно или бессознательно в большинстве случаев предполагает и отстаивает его правильность. Таким образом, оценочное суждение и экспертное мнение имеют своим посылом стремление к тому, чтобы приблизиться к правильному пониманию сути и верной оценке того или иного явления. Однако, как уже отмечалось выше, оценочные суждения, носящие по определению субъективно-ценностный и эмоционально окрашенный характер, выражают личностное представление о нормативности. Они являются широко распространенной формой рефлексии на явления окружающего мира. Они во многом отождествляются в общественном сознании с ценностью свободы выражения мнения о тех или иных социально-культурных реалиях. Однако оценочные суждения могут затрагивать интересы и ценности других групп, имеющих свои представления о правильности высказанного мнения. В случае защиты деловой репутации, чести и достоинства личности оценочное суждение может стать предметом судебного разбирательства и требует проведения лингвистической и других видов экспертизы.

В случае судебного разбирательства экспертное мнение, как правило, призвано определить правильность оценочного суждения, его соотнесение с фактами и нормами существующего законодательства. Однако сама суть ценностного субъективного выражения мнения в оценочном суждении порождает трудности в ее классификации и рационального объективного подхода.

Обращаясь к феномену экспертизы, мы вновь, как и в начале нашего исследования, можем поставить закономерный порос: а каковы критерии ее истинности и объективности в социально-культурной сфере? Ответом может быть утверждение о том, что экспертные исследования в данной сфере еще находятся в стадии становления в современной России. Поэтому так важен вопрос об их методологических основаниях. Необходимо соединить теоретические наработки и реальную экспертную практику в социально-культурной сфере. Также еще недостаточно разработаны принципы классификаций в сфере экспертизы социально-культурных феноменов. Дискуссионные явления и процессы, как правило, существуют в общественной и культурной жизни в индивидуальной, трудно описуемой форме. Творческие прорывы, новаторские явления взламывают существующие стереотипы восприятия. Это затрудняет задачу их осмысления, систематизации и оценки. Здесь необходимым условием является «открытость» феномену (Хайдеггер), которая дает возможность познания себя и сложных явлений реальности [Фалев, 2015].

Можно ли говорить об объективном знании, а не просто о форме оценки, когда речь идет об индивидуальном социально-культурном феномене? Возможность познания индивидуальной значимости каждого отдельного факта или события в сфере истории, морали, искусства, то есть, используя современную терминологию, культуры как теоретическая проблема была обозначена еще в середине позапрошлого века Г. Риккертом. В своей концепции познания культуры Г. Риккерт задавался вопросом: каким образом познание индивидуального может существовать не просто в форме оценки, а в форме знания. Подобный род познания индивидуального, то есть феноменов истории и культуры был определен философом как *идеографический*, в отличие от номотетического, обобщенного знания о природе. Аксиология культуры, основоположником которой во многом явился Г. Риккерт, дает возможность воспринимать и оценивать сложные явления с ценностных позиций. Явление может быть проанализировано в свете аксиологического подхода. Данный дискурс дает возможность утверждать, как дискуссионное социально-культурное явление соотносится с ядром той или иной культуры, в какой мере оно способствует сохранению культурных ценностей и норм. Как уже отмечалось выше, современная наука все более отходит от отождествления с позитивистской методологией позапрошлого века. Методология современных гуманитарных исследований включает в себя представления о ценностях и эмоциональном восприятии явлений.

Другой концептуальный подход связан с новыми представлениями о рациональности. Так видный американский исследователь С. Тулмин утверждает, что нужно стремиться не к поиску истины как недостижимой цели, а к пониманию сути проблемы. Он призывает концентрироваться на реальных проблемах научных исследований. Рациональность трактуется им не как свойство логических и концептуальных систем, а как атрибут человеческой деятельности [Порус, 1999].

В 90-х годах XX века видный американский исследователь Питер Хаас, опираясь на идеи Фуко и Джона Руджи, активно продвигал идею «эпистемологического сообщества» [Haas, 1992]. Это сообщество отлично по своей сути от традиционного академического, его границы формирует эпистема. Оно объединяет людей со схожими взглядами на социальную реальность,

разделяют сходные представления о культурных смыслах, символах и ценностях. Это сообщество людей, обладающих определенными компетенциями, имеющих совместные ожидания и намерения. Подобные эпистемологические сообщества образуют экспертные сети [Сунгуров, 2001, 98-124]. Экспертные сети выступают как платформы для решения тех или иных проблем. Они активно развиваются в связи с усовершенствованием информационных систем. Экспертные сети имеют большие перспективы для объединения специалистов в решении тех или иных конкретных научных задач. Они образуют новые принципы организации экспертных сообществ, объединяющих международные интеллектуальные ресурсы и профессиональные компетенции.

Заключение

Таким образом, обобщая вышесказанное о достоверности экспертных мнений, можно сделать следующие выводы. Современное информационное пространство во многом сформировано оценочными суждениями, которые носят субъективный и эмоциональный характер. Оценочные суждения во многом отождествляются в массовом сознании со свободой выражения личного мнения. Они, за редкими исключениями, не подлежат судебной ответственности. Вместе с тем, существуют определенные ситуации, когда оценочное суждение подвергается экспертизе. Экспертное мнение является также рефлексией на дискуссионные явления социально-культурной реальности. Однако, в отличие от оценочного суждения, которое носит, как правило, эмоциональный и субъективный характер, экспертное мнение базируется на теоретико-практических научных основаниях и должно быть достоверным по своим результатам. Достоверность результатов обуславливается многими факторами, включая компетенции экспертов, а также развитием методологии социогуманитарного знания. Современное социогуманитарное знание все больше отходит от позитивистской методологии, характерной для естествознания 19 века. Поиск новых принципов познания реальности в социогуманитарной сфере приводит к необходимости развития культуроцентрического подхода, а также использования новейших форм организации научного и экспертного сообщества.

Библиография

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
2. Ларин Ю.В. Грезы по культуре // *Философия культуры*. 2016. №4. С. 559-567.
3. Москвина И.К. Ритмологические концепции конца XIX – начала XXI веков и ценности культуры: теоретическое и практическое наследие // *Цивилизация и культура*. 2016. № 5. С. 339-349.
4. Порус В.Н. Перекрестки методов (опыт междисциплинарности в философии культуры). М., 2013. 384 с.
5. Порус В.Н. Цена «гибкой рациональности» (О философии науки С. Тулмина) // *Философия науки*. 1999. Вып. 5. С. 228-245.
6. Сунгуров А.Ю. Экспертная деятельность и экспертные сети // *Философия и культурология в современной экспертной деятельности*. СПб., 2011. С. 98-124.
7. Тхагапсоев Х.Г. и др. Идентичность как навигатор сознания. СПб.: Астерион, 2016. 170 с.
8. Фалев Е.В. Эволюция метода в философии Мартина Хайдеггера: автореф. дис.... докт. филос. наук. М., 2015.
9. Шеляпин Н.В. Формирование идеологии социальной группы в контексте постсоветской России (на примере концепции «ритмология») // *Социология*. 2017. №3. С. 64-72.
10. Haas P. Introduction: epistemic communities and international policy coordination // *International Organization*. 1992. Vol. 46, No. 1. P. 1-35.

Reliability of expert opinions as a problem of analysis of debatable phenomena in the field of culture

Irina K. Moskvina

Member of art critics & art historian association (AIS),
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Saint Petersburg State Institute of Culture,
191186, 2-4, Dvortsovaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: i.moskvina@mail.ru

Abstract

The diversity of modern culture, the presence in it of a variety of discourses, interpretations of cultural meanings and values – all this complicates the perception and understanding of various phenomena and processes. The mass media and communications, especially electronic and social networks, are becoming a space for suppressing various value judgments as a manifestation of freedom of expression in the context of democracy. The dispersion of judgments about ambiguous phenomena of culture creates, at times, the polarization of the parties in the debate, and sometimes public confrontation. In a number of cases provided for by the legislation of the Russian Federation, value judgments may be subject to examination. The question of the reliability of expertise in the field of humanitarian knowledge remains largely unresolved. The problem of the possibility of achieving true objective knowledge in the humanitarian sphere, and in science in General, at the turn of the XX-XXI centuries is polemic. Cultural researchers and philosophers note that "positive science" as an instrument of knowledge of the social and cultural sphere, based on the description and systematization of processes and phenomena, narratives about them, is not productive in modern conditions. Modern studies on the methodology of the Humanities note that social and humanitarian science, since the end of the last century, is increasingly moving to the methods of post-classical science.

For citation

Moskvina I.K. (2018) Dostovernost' ekspertnykh mnenii kak problema analiza diskussionnykh yavlenii v sfere kul'tury [Reliability of expert opinions as a problem of analysis of debatable phenomena in the field of culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (5A), pp. 133-141.

Keywords

Culture, values, cultural values, value judgment, expertise, scientific truth, methodology, paradigm, text, context.

References

1. Falev E.V. (2015) *Evolutsiya metoda v filosofii Martina Khaideggera. Doct. Dis.* [The evolution of the method in the philosophy of Martin Heidegger. Doct. Dis.]. Moscow.
2. Haas P. (1992) Introduction: epistemic communities and international policy coordination. *International Organization*, 46, 1, pp. 1-35.
3. Kun T. (1977) *Struktura nauchnykh revolyutsii* [Structure of scientific revolutions]. Moscow: Progress Publ.

4. Larin Yu.V. (2016) Grezy po kul'ture [Dreams of Culture]. *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture], 4, pp. 559-567.
5. Moskvina I.K. (2016) Ritmologicheskie kontseptsii kontsa XIX – nachala XXI vekov i tsennosti kul'tury: teoreticheskoe i prakticheskoe nasledie [Rhythmic concepts of the late XIX – early XXI centuries and the values of culture: theoretical and practical heritage]. *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and Culture], 5, pp. 339-349.
6. Porus V.N. (2013) *Perekrestki metodov (opyt mezhdistsiplinarnosti v filosofii kul'tury)* [Intersections of methods (the experience of interdisciplinarity in the philosophy of culture)]. Moscow.
7. Porus V.N. (1999) Tsena «gibkoi ratsional'nosti (O filosofii nauki S. Tulmina) [Price of a flexible rationality (On the philosophy of science S. Tulmin)]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 5, pp. 228-245.
8. Shelyapin N.V. (2017) Formirovanie ideologii sotsial'noi gruppy v kontekste postsovetsoi Rossii (na primere kontseptsii «ritmologiya») [Formation of the ideology of a social group in the context of post-Soviet Russia (on the example of the concept of "rhythmology")]. *Sotsiologiya* [Sociology], 3, pp. 64-72.
9. Sungurov A.Yu. (2011) Ekspertnaya deyatelnost' i ekspertnye seti [Expert activities and expert networks]. In: *Filosofiya i kul'turologiya v sovremennoi ekspertnoi deyatelnosti* [Philosophy and cultural studies in modern expert activities]. St. Petersburg.
10. Tkhapsoev Kh.G. et al. (2016) *Identichnost' kak navigator soznaniya* [Identity as a navigator of consciousness]. St. Petersburg.: Asterion Publ.